

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТОВ ВОЛКА И МЕДВЕДЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЯЗЫЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Работа представлена кафедрой русской истории.

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор М. Б. Свердлов

У восточных славян наблюдается расширение ритуальной значимости медведя и сужение сакральных функций волка по сравнению с древней индоевропейской традицией. Культ волка воплощает агрессивное начало, связан с воинами, князем, понятием «чужой». Культ медведя - созидательное начало, связан с плодоносящей силой, с понятиями «свой», «хозяин».

The analysis of the wolf and bear cults in the Russian paganism shows that the cult of a bear connected with the earth, nature forces, notions «self» and «owner» was more powerful as compared to the cult of a wolf associated with aggression, war, warriors and the concept «outlaw».

Религиозные верования восточных славян - тема, занимающая важное место в средневековой истории России. Изучение славянского язычества предполагает также исследование культов животных: их древнейшие формы, последующие традиции в IX-XVI вв., эволюцию в обрядовых действиях XVII-XX вв. В научной литературе накоплен значительный опыт по изучению культовой значимости отдельных видов животных¹. Проведем сравнительно-функциональный анализ языческих культов волка и медведя, изучив эволюцию основного содержания языческих культов этих животных, их основополагающие функции в обрядовой жизни и хозяйственной деятельности восточных славян.

Т. В. Гамкрлидзе и В. В. Иванов изучили сакральные значения волка и медведя у праиндоевропейцев III-II тыс. до н. э. Они показали, что культ медведя являлся ритуально менее значимым, чем культ волка, который охватывал как биологическую, так и социальную сферы: волк - символ единства всего племени, как особый социальный статус, символ всеведения, даруемого вождю племени. Волк и волчья стая наделялись особыми сакральными качества-

ми. У древних хеттов царь Хатгусили I (XVII в. до н. э.), обращаясь к собранию панкусу, призывает своих воинов-подданных «быть единым целым», т. е. объединяться «как волчий род». Медведь символизировал тогда, преимущественно, плодородие природы². В балтийской и германской традициях, у восточных славян, т. е. у европейских индоевропейских народов, оказавшихся в сходной экологической среде обитания: в полосе лиственных и хвойных лесов Европы, наблюдается расширение ритуальной значимости медведя и утрата культом волка, при сохранении индоевропейской основы, многих своих функций. Речь идет не о большей или меньшей ритуальной значимости у восточных славян этих животных, а о разграничении сфер их применения. Культы волка и медведя стали выражать две во многом противоположные модели бытия. Первый несет в себе активное агрессивное начало, второй аккумулирует положительную природную мощь. Культ волка символизирует обладание неким сверх-знанием, силой, удалью, позволяющими быть «выше» большинства, управлять. Культ медведя воплощает силу почти безграничную, идущую «изнутри»,

способную исцелять, защищать, влиять па само течение жизни. Отсюда - связь культа волка с воинами, дружиной, князьями, понятием «чужой»; связь культа медведя с плодоносящей силой земли, животных, человека, с понятиями «свой», «хозяин».

Сравнение князя с волком находим в «Повести временных лет» (начало XII в.) и «Слове о полку Игореве» (конец XII в.). «Роди мати от вълхованья... бысть ему язвено на главь его, рекоша бо волсви матери его: "Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего", еже носить Бесславъ и до сего дне на собѣ: сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье»³. «Все-славъ князь самъ въ ночь вълкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до кур Тмутороканиа, великому Хръсови вълкомъ путь прерыскаше»⁴. У князя Владимира Святославича был воевода Волчий Хвост, обладавший военной удачей (победил радимичей). Воины «Слова» называются и действуют «волками»: «бегут, скачут, рышут». Особенности рождения Всеслава (от волхования), приписываемые ему способности к оборотничеству, этнонимы, содержащие основу «волк», описание воинов через действия животного - все они отражают древнюю индоевропейскую традицию представлений о людях «в волчьем обличье» и указывают на ритуальную значимость культа волка, связанную с обладанием вещим знанием.

В XIX-XX вв. среди диких животных волк оставался одним из центральных и наиболее мифологизированных персонажей. В Полесье при встрече с волком, призывали к себе умерших, называя их по имени, гукали мертвого, звали знакомого умершего охотника⁵. Считалось, что волки истребляли нечисть, чтобы она меньше плодилась, т. е. выполняли роль охранников (дружинников). Верили, что у волков имеется свой хозяин, покровитель, а волки находятся в подчинении у лешего: леший кормит их как своих собак хлебом⁶. В представлениях о волке как о хищнике, уносящем скотину, присутствует мотив жертвы. Волк

исполняет медиаторскую функцию, он посредник между людьми и силами иного мира. Части тела и имя волка использовались для приобретения отпугивающих свойств, аирессНВНОста, жизненной силы и здоровья. Чтобы пчелы давали больше меда, их окуривали кончиком волчьего носа. Волчий хвост носили при себе от болезней. Практически повсеместно волк, перебегающий дорогу путнику, пробегающий мимо деревни, встретившийся в пути, предвещает счастье, удачу и благополучие". Этнографические материалы позволяют в большей степени раскрыть внутреннее содержание культа волка. Ему присущи медиаторские функции: он посредник между этим и тем светом, между людьми и нечистой силой (образ волколака, волка-оборотня). Определяющим в образе волка являлся признак «чужой». Поэтому волк соотносился с чужими, приходящими извне - с женихом, с мертвыми, с предком, ходячим покойником-вампиrom. В этом же ряду следует назвать колядников и участников других обходных обрядов: волков называли колядниками. Волк был связан с пересечением границы и различными пограничными, переломными моментами или периодами (смена старого года новым, переходный зимний или осенний периоды). К промежуточным календарным датам относилось время разгула волков и оберегов от них; считалось, что поездка к венчанию или с венчания могла закончиться обращением свадебной церемонии в волков.

Название меда едя у восточных славян табуировалось. Первоначальная индоевропейская лексема заменилась описательным наименованием по признаку склонности животного к сладкому, что также указывает на культовую значимость медведя в славянской области. Монаха Печерского монастыря пугали бесы «в образе медвежий», что свидетельствует об оборотнических свойствах, приписываемых медведю и находящему многочисленным подтверждениям в верованиях XIX в. (представления об

оборотнях-медведях - о колдунах, принимающих медвежий облик). В Повести временных лет под 1071 г. упоминается о казни волхвов: «Они же поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмъстье приемша от Бога по правд?). Я неви же идущю домови, в другую ношь мсдвѣдь възлѣзь, угрзь ею и снѣсть»⁵. Казнь напоминает обычай языческой казни через удушение. Медведь здесь уподоблен посланнику от «нечистой силы», забирающего свою жертву.

Изгнание бесов из хлева монахом, о чем **написаЕЮ** в «Житии Феодосия Печерского», в деталях повторяет принятые в XIX в. способы изгнания нечисти из хлева с помощью медведя: «Тѣгда же отць нашъ Феодосии въоруживъея на ня постъмь и молитвою... и прииде въ село то и вечеръ въниде единъ въ хлѣвину ту, идеже бѣси жилище имяхуть... и прѣбысть до утрьяия... Якоже от того часа не явитися бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никому»⁹. Образ монаха в этой ситуации явно вторичен, тогда как медведь трансформировал первоначальные функции покровителя скота, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические материалы. У русских, чтобы не допустить к скоту чужого, «лихого домового», в конюшие вешали медвежью голову или вводили в хлев самого медведя, если домовый особенно «шалил»¹⁰. Череп, когти и шерсть медведя вешали в хлеву для того, чтобы скот хорошо велся и плодился, что подтверждается также и археологическими свидетельствами. В некоторых местах хозяин брал в Иванов день до восхода медвежью голову, нес ее на скотный двор, проходил с ней между скотом и закапывал среди двора».

Медведь, отличавшийся своей силой и долголетием, в большей степени, чем волк, сближался с человеком. Если волк воспринимался определенно как «чужой», то медведь - как «свой», обращенный в зверя в наказание за какие-либо проступки. Считали, что если снять с медведя шкуру, то он

будет выглядеть как человек. Охотники замечали, что на медведя и на человека собака лает одинаково, не так, как на других. По этим причинам медведю не велено есть человека, а человеку - медвежатины. И хотя медведь и волк обитали в лесу, медведя называли чаще хозяином леса, братом лешего, в то время как волков - псами, т. е. прислужниками лешего, что ставило их в подчиненное положение в «лесной иерархии» по отношению к медведю.

Кульм медведя символизировал плодородие земли, леса, но противостоял водной стихии: в сказках и былинках медведь побеждал и изгонял водяного. В этом еще одно различие между культурами животных. Антитеза суша- вода продолжала представления о границе, о переломных моментах, а эти понятия, как отмечено ранее, были связаны именно с волком. Образу медведя была присуща также брачная символика, символика плодородия и плодovitости. Она проявлялась, в частности, в свадебном обряде, в любовной магии, в лечении бесплодия и т. п. Медведя воспринимали как символ здоровья и силы, что нашло отражение в лечебной практике. Например, для исцеления от лихорадки медведь должен был переступить через больного, положенного лицом вниз на землю, причем так, чтобы зверь коснулся его спины своей лапой¹².

Системный, генетический и сравнительно-исторический методы при анализе культов волка и медведя позволили ввести объективные критерии в исследование их происхождения и развития. Продолжая индоевропейскую по происхождению традицию, культы этих животных на Руси отражали две противоположные сферы бытия. Культ волка воплощал активное, агрессивное начало и был связан с воинами, дружиной, понятием «чужой». Культ медведя воплощал силу созидательную и был связан с плодородной силой земли, с понятиями «свой», «хозяин».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гура Л. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

² *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 493–499.

³ Повесть временных лет / Подготовила текст, пер. и комм. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1996. С. 67.

"Слово о полку Игореве / Библиотека Литературы Древней Руси. СПб., 2000. С. 264.

⁵ *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 124.

⁶ *Ермолов Л.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1904. Т. 1. С. 256.

"Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1934. С. 940.

⁸ Повесть временных лет. С. 77.

⁹ Житие Феодосия Печерского / БЛДР. 2000. С. 412.

¹⁰ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. С. 163.

¹¹ *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1992. С. 186.

¹² *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. С. 391.